

НОМЕНКЛАТУРНЫЕ КОРНИ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ: 30 ЛЕТ СПУСТЯ

Петров Кирилл Евгеньевич,

*кандидат политических наук,
старший научный сотрудник МГИМО Университет,
Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76;
доцент Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, 125167, г. Москва, пр. Ленинградский, 49/2
ORCID: 0000-0001-9136-2717
originalkir@gmail.com*

Снеговая Мария,

*постдокторант факультета политологии
Политехнического университета Виргинии,
США, г. Блэксбург, VA 24061
ORCID: 0000-0002-7979-5672
snegovaya@gmail.com*

Чубаров Денис Арэфович,

*аспирант исторического факультета
Московского государственного университета им. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1
ORCID: 0000-0001-9282-8670
dchubarov3@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена осмыслению генезиса российской политической элиты и ее межпоколенческой связи с элитой советской. На эмпирическом материале 2021 года авторы проверяют, является ли социальная укорененность в советской номенклатуре важным фактором, предопределяющим положение внутри высшего эшелона российской политической элиты в наши дни. Авторы исследуют генезис российской политической элиты в рамках кросс-методологического подхода, включающего в себя использование репутационных и позиционных способов идентификации элит и метода исследования, базирующегося на отслеживании социального происхождения. Эмпирической основой служит оригинальная база данных элит по состоянию на 2021 год, включающая два элитных списка: позиционный и репутационный. Позиционный список, который определен на начало августа 2021 года, включает 112 персоналий, занимающих позиции во властных структурах и обладающих серьезным влиянием. Репутационный спи-

сок включает 100 персоналий и основан на широко цитируемой экспертной модели российской элиты «Политбюро 2.0». Для установления межпоколенческой связи между текущей российской политической элитой, несомненно претерпевшей серьезные изменения в ходе постсоветского развития, и социальной группой, известной нам как советская номенклатура, впервые использовался комбинированный метод: присваивались и суммировались оценки принадлежности к номенклатуре за карьерную, семейную и образовательную среду. Кроме того, авторы зафиксировали ряд основных данных о карьере выбранных персоналий (принадлежность к возрастной когорте по году рождения, статус в рамках структур КПСС). По итогам исследования получены следующие результаты: в позиционном списке имеют отношение к советской номенклатуре (суммарные оценки 2 и выше) 59 из 112 человек (52,6 %), в репутационном списке – 50 из 100 (50 %). На основании дескриптивного сравнительного анализа двух независимых списков можно прийти к выводу, что номенклатурный «бэкграунд» в современной российской элите имеют 50–52 % акторов, и еще 13–15 % могут относиться к ней со значимой долей вероятности. Особенно важно, что данная пропорция обнаруживается вне зависимости от подхода, на основе которого составлен список элитных персоналий.

Ключевые слова: российские элиты, номенклатура, постсоветские исследования, олигархия, элитология, неолитизм, неопатримониализм, постсоветское развитие, кросс-методологический подход.

Библиографическое описание для цитирования:

Петров К.Е., Снеговая М., Чубаров Д.А. Номенклатурные корни российской элиты: 30 лет спустя // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 1. – С. 93–122. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-93-122.

Из лихих 90-х в 2000-е: банкиры и силовики

В 2003 году автор современных российских фикшн-бестселлеров В. Пелевин выпустил заурядный по его меркам сборник [17]¹. Заглавная аббревиатура ДПП(nn) расшифровывается как «Диалектика переходного периода (из ниоткуда в никуда)». Главным героем центрального романа сборника «Числа» является простой советский мальчик Стёпа, который вырастает и становится «новым русским», банкиром. Выбор пути для литературного героя не случаен. Американский социолог Буравой, использующий интересную концепцию инволюции для описания постсоветской трансформации, пишет, что после «распада партии-государства ... как грибы росли банки; они процветали на проводке бюджетных кредитов, с одной стороны, и конвертации прибыли предприятий в прибыль директората – с другой» [3, с. 5].

¹ Его пророческий дар раскрыт в нем куда меньше, чем в более поздних «Empire V» (2006) или в жестком наследнике великих Замятина, Хаксли и Оруэлла – романе-антиутопии «S.N.U.F.F.» (2011).

С течением времени становится ясно, что в «Числах» Пелевин с помощью художественных средств одним из первых зафиксировал важную трансформацию российской власти и общества. Герой Пелевина, банкир Стёпа, в 1990-е годы логичным образом попадает в зависимость от бандитской «крыши». Ближе к 2000 году на смену бандитам приходят «люди в погонах» – сотрудники МВД и спецслужб. Постсоветское государство восстанавливает монополию насилия, налогообложения и охраны правопорядка, утраченную в 1990-е. Вот как охарактеризовал анализирувавший этот процесс методами теоретической и опросной социологии В. Волков: «Пользуясь своей автономностью, силовые ведомства и специальные подразделения вытесняют преступные группировки из их экономической ниши, фактически становясь на их место» [4, с. 293].

С усмирения «лихих девяностых» начинается свое восхождение концепция «сильного государства», удовлетворяющего запрос населения на безопасность, стабильность и возвращение национальной гордости [12, 13, 19]. Эту смену эпох можно назвать парадигматическим сдвигом. На смену одной парадигме – разбойничьей вольнице, дикому Востоку, где идет борьба всех против всех и где невозможны устойчивые правила социального взаимодействия [3, 59], приходит другая – доминирование во власти людей с погонами: военных и сотрудников спецслужб. Последняя парадигма по сей день широко известна в политической науке как *милитократия*.

Российские элиты: доминирующие категории описания

Милитократия является одной из трех основных концепций, характеризующих природу современных российских элит. В качестве научной концепции она сформировалась в 2000-е годы². С приходом к власти В. Путина исследователи стали отмечать массовое появление на самых различных правительственных постах выходцев из военной среды и органов безопасности. Новый класс государственной элиты получил обобщенное название «силовики». Это выходцы из «силовых» министерств, таких как Федеральная служба безопасности (ФСБ), Федеральная служба охраны, Министерство внутренних дел (МВД), МЧС и Министерство обороны. Систему, которую Путин стремился создать, исследователи предложили называть милитократией, попутно отмечая возвращение посткоммунистической российской политики к полностью выхолащенной, но декларируемой демократии советского периода [38].

В своей статье 2003 года Крыштановская и Уайт сосредоточились на изучении карьерных траекторий высокопоставленных чиновников в позднесоветское время, в эпоху правления Ельцина и, наконец, в ранний период правления Путина, уделив особое внимание работе и функционированию

² В романе Пелевина эту концепцию излагает одна из героинь, британская славистка Мюс.

такого важного силового органа, как Совет безопасности РФ (см. об этом [58]). Согласно их расчетам, затрагивающим и советский период, доля силовиков в высших эшелонах власти возросла с 3,7 % в 1988 году до 25,1 % в 2002 году. В 2008 году (по истечении второго президентского срока Путина) доля силовиков, по расчетам этих же авторов, составила уже 32 % [42].

Пересчет этих оценок, проведенный американскими исследователями Ш. и Д. Риверой в конце 2000-х [21], продемонстрировал, что процент силовиков, занимающих ведущие позиции в высших эшелонах российской власти, составлял в 2002 году 13,9 % (вместо 25,1 %). На 2008 год пересчет дал цифру в 20,5 %, или одну пятую часть высших должностных лиц России, а не одну треть, о которой писали Крыштановская и Уайт (использовались разные методики подсчета). С другой стороны, авторы подтвердили основной тезис о росте доли силовиков в российских элитах, согласившись с ним как с важной тенденцией.

Тот факт, что во главе РФ находится полковник ФСБ, бывший сотрудник КГБ СССР, кажется весомым аргументом в пользу милитократического видения. Однако этот фактор находится вне статистических расчетов и в большей степени апеллирует к простому принципу *one man rule*. Причины популярности данной концепции, вероятно, следует искать и в либеральной теории международных отношений, где для объяснения внешнеполитических конфликтов эксплуатируется представление западного истеблишмента о России как о милитаризированной, агрессивной стране с военизированным руководством [62].

Второй достаточно популярной схемой описания российских элит является аристотелевская *олигархия*, снабженная негативными коннотациями. По итогам шоковых постсоветских преобразований и форсированной приватизации страна оказалась практически захвачена олигархией. Этот новый класс собственников воспринимался населением и рядом экспертов как нелегитимный, осуществивший первоначальное накопление капиталов мошенническим путем [50]. Сюжет фактического олигархического правления при номинально декларируемой демократии был центральным во второй половине 1990-х, поскольку парадигматического сдвига силовых ресурсов еще не произошло [22, 24, 25]. Но и в 2010-е годы, на фоне антикоррупционных интернет-разоблачений, масштабных митингов за честные выборы, а также громких уголовных дел против высокопоставленных представителей властной вертикали, вплоть до министров, концепция олигархии всё еще пользовалась популярностью. Однако концепт *олигархии* кажется аморфным, поскольку к его сторонникам можно отнести, по сути, любого автора, утверждающего криминальный и/или неформально-клановый характер российской власти. К таковым относятся, например, М. Галеотти с его *адхократией* [6], исто-

рик и конспиролог Ю. Фельштинский [18], американский политолог К. Давиша с ее *клеттократией* [26].

Представляется, что более стройный подход к описанию политического устройства через понимание механизмов межличностного элитного взаимодействия предлагает теория патронажа, или *неопатримониализм*. Под *патримониализмом* в современной научной литературе подразумевается доминирование [над формальными институтами] сети социальных связей не просто полезных, но жизненно необходимых для достижения успеха в политической сфере постсоветских государств [2, 20, 34, 35]. Эти долговременные межличностные связи существуют между родственниками и близкими друзьями, образуя своеобразные сети влияния, природу которых достаточно хорошо передают такие слова, как *клан* или *клиентела* [45]. Примером прикладного исследования таких клиентел является серия докладов «Политбюро 2.0» о ближнем круге Путина [48], которые вошли в научный оборот и стали важным основанием для понимания российского контекста рядом значимых исследователей постсоветского пространства [44, 53, 57]³.

Следует подчеркнуть, что дискуссия вокруг места и роли элитологии продолжается. Так, О. Гаман-Голутвина считает ее одной из наиболее развитых субдисциплин отечественной политической науки, отмечая заметные результаты в изучении региональных элит, управленческой бюрократии высшего уровня, а также в политико-психологическом изучении властных групп [8]. В то же время авторитетный отечественный автор А. Мельвил в своей программной статье не включил элитологию⁴ в список перспективных направлений развития политической науки [11].

Споры о роли советской номенклатуры

Параллельно с описанными выше концепциями сосуществует и версия описания постсоветской элиты как естественного продолжения советской номенклатуры. Ее подробному разбору для проверки межпоколенческой связи в рамках текущей российской политической элиты и посвящена данная статья. Для подтверждения значимости номенклатурного факторы мы привлекли оригинальные эмпирические данные 2021 года. В рамках нашего исследования номенклатурность текущей элиты определялась путем отдельных оценок социального происхождения (трехбалльная система), карьерного трека (трехбалльная система) и факта учебы в элитном советском вузе (двухбалльная система). Подобный подход является углубленным развитием подхода, примененного Снеговой и Петровым для исследования социального происхождения элит [60].

³ Это не означает, что упомянутые исследования построены на оригинальной российской модели «Политбюро 2.0».

⁴ Разумеется, в какой-то степени элиты могут рассматриваться как объект изучения в контексте приоритетной проблемы соотношения влияния агентов и структуры.

Вопрос о роли советской номенклатуры в становлении политических и социальных институтов постсоветских республик, России и российских регионов долгое время находился в центре общественной мысли. Этот вопрос стал важным элементом дискуссии об особенностях новых политических режимов, хотя и с большим перекосом в сторону соответствия или несоответствия постсоветской действительности идеалам демократического устройства постиндустриального общества, как оно понималось на Западе.

Если посмотреть на перипетии борьбы за власть в ранних постсоветских государствах, то несложно увидеть, что внимание к карьерному пути постсоветских политиков в рамках властно-политических структур СССР полностью оправдано. Чуть ли не единственным долгосрочным правителем, которого можно назвать антиэлитным и внесистемным по отношению к советской номенклатуре, был и остается А. Лукашенко. В большинстве бывших союзных республик новые независимые государства возглавляли бывшие функционеры КПСС самого высокого ранга: в России – Б. Ельцин (бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и первый секретарь Московского горкома КПСС), в Украине – Л. Кравчук (бывший второй секретарь ЦК компартии Украины) и т. д. Политическая традиция в духе западных парламентских демократий сходу складывается только в Эстонии и Литве. Кроме того, на недолгий срок приходят к власти деятели науки: в Грузии З. Гамсахурдия (литературовед), в Армении Л. Тер-Петросян (филолог), в Киргизии А. Акаев (доктор физико-математических наук), в Азербайджане А. Эльчебей (историк-арабист). Как правило, они политически несостоятельны и долго на своих постах не задерживаются. Исключением является лишь Акаев, чье падение происходит только в ходе «Гюльпановой революции» 2005 года.

Чаще всего главами независимых государств становились бывшие первые секретари ЦК республиканских компартий. Так было в Азербайджане (А. Муталибов), Казахстане (Н. Назарбаев), Узбекистане (И. Каримов), Таджикистане (Р. Набиев), Туркменистане (С. Ниязов), Латвии (А. Горбунов), Молдавии (М. Снегур). Из них только двое (Набиев и Муталибов) не смогли удержаться у власти, т. е. «номенклатурность» глав оказалась устойчивой тенденцией. После падения в Грузии в 1992 году деятеля науки Гамсахурдии к власти приходит бывший министр иностранных дел СССР и член Политбюро ЦК КПСС Эдуард Шеварднадзе. В Азербайджане на смену Муталибову в 1992 году приходит Абульфаз Эльчебей, историк-арабист и лидер национального движения, продержавшийся на посту президента всего год и в 1993 году смещенный Гейдаром Алиевым (бывший член Политбюро ЦК КПСС, генерал-майор КГБ, экс-заместитель председателя Совета министров СССР). Таким образом, можно констатировать,

что иерархические высоты постсоветских республик захватили выходцы из старой советской номенклатуры, или, точнее, они эту власть *сохранили*.

Еще в 1957 году была опубликована книга югославского коммуниста М. Джиласа «Новый класс: Анализ коммунистической системы», в которой он обосновал свой тезис о возникновении в СССР, Югославии и других социалистических странах нового правящего класса, эксплуатирующего общество. В 1970 году советский историк и социолог М. Восленский сделал описание этого класса центральным в своей книге «Номенклатура». В СССР книга имела хождение исключительно в самиздате, а концепция номенклатуры активно продвигалась западным инновационизмом. В 1984 году, когда Восленский уже находился в статусе эмигранта, книга наконец была издана на английском языке [66]. Первое русское официальное издание Восленского под названием «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» вышло в 1991 году, переиздание — в 2005 году [5]. Парадоксальным образом фундаментальные для критики «коммунистической» системы труды были созданы убежденными левыми авторами, критиковавшими советский проект с марксистских позиций. С их точки зрения, государства, провозгласившие себя коммунистическими, де-факто находились в состоянии госкапитализма, сохранив класс эксплуататоров, представленный списками привилегированных государственных управленцев (номенклатурой).

Концепция, согласно которой посткоммунистической Россией управляет старая советская номенклатура (либо выходцы из нее), оформилась в первые 10 лет после распада Советского Союза, когда постоянно вспыхивали жаркие дебаты вокруг состава элиты в период правления Б. Ельцина [7, 43, 63]. Среди менее цитируемых эмпирических исследований стоит отметить книгу Антона Стина [61], основанную на социологических данных РОМИРа и собственном опросе почти 2000 человек. В то время подобные опросы администрировать было легче, ведь спор концентрировался вокруг физического наличия представителей старой советской элиты внутри обновленного государственного аппарата России, а значит, количество лакун, пропусков и недостоверной биографической информации было скорее небольшим.

Концепция нашла как своих сторонников, утверждающих, что у власти осталась старая советская номенклатура, так и противников, согласно которым политический поворот начала 1990-х годов имел результатом и социальную революцию в слое элиты [21]. Одни подчеркивали высокий уровень воспроизводства элиты в начальный период существования посткоммунистической России [2, 40]. Другие утверждали, что посткоммунистическая элита по окончании советского периода претерпела серьезные изменения [1, 21, 55].

Своеобразный итог дискуссиям 1990-х подвела статья «Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы» В. Гельмана и И. Тарусиной, вышедшая в журнале *Communist and post-communist studies* в 2000 году [31]. Перевод оригинальной статьи с отлично проработанной библиографией из 89 пунктов был опубликован в журнале *Политс* в 2003 году. Подобная систематизация накопленных исследователями (и частично публицистами) знаний и оценок доступна только, пожалуй, в библиографии к диссертации другого самобытного автора – Д. Сельцера, исследовавшего субрегиональный уровень российских элит. Характерно, что в этих трудах не упоминается обширный эмпирический опрос российских элит (SRE) Билла Зиммермана, первой волна которого прошла в 1993 году⁵, хотя по своим параметрам, подходу и частотности исследования SRE на голову превосходили все имевшиеся отечественные попытки сбора социологической информации об элитах.

От советской к российской номенклатуре

Примером совмещения сразу нескольких концепций являются работы Ю. Нисневича [14–16]. В них последовательно утверждается, что советская номенклатура сохранила власть над постсоветской Россией. Начав свое восхождение со «скупки государства» в период президентства Б. Ельцина, с приходом В. Путина она «осуществила коррупционную “захват государства”», реализовав проект построения «вертикали власти» [15, с. 4, 5]. Не изобретая новых терминов, исследователь утверждает, что господствующая сегодня российская номенклатура является прямой наследницей номенклатуры советской, пережившей процесс регенерации после революционных событий 1990-х годов. «Сегодня постсоветской Россией правит российская номенклатура, которая хотя и имеет некоторые достаточно существенные отличия от номенклатуры советской, но является ее прямой наследницей» [15, 51].

Нисневич предлагает вернуться к несколько вышедшему из употребления вне своего исторического контекста термину *номенклатура*. В СССР советская партийно-хозяйственная номенклатура, номенклатурные кадры зародились в период правления И. Сталина как перечень руководящих должностей, назначение на которые утверждалось партией. Эта бюрократическая система с течением времени трансформировалась в господствующий социальный слой [15]. Поскольку официально советский марксизм⁶ не допускал наличия правящих, эксплуататорских классов в советском государстве, класс управленцев мимикрировал и эффективно скрывал сам

⁵ Возможно, в те годы ни к описаниям исследования, ни к исходным данным просто не было массового доступа. Ключевая книга [68] вышла в 2002 году.

⁶ Являясь весьма своеобразным ответвлением марксистской теории, известным ныне в академической среде под названием «вульгарный советский марксизм».

факт своего существования. Но в утилитарных целях всё-таки определял свои границы и заносил своих представителей в списки, именуемые *номенклатурой*. Это – «один из отрядов интеллигенции, профессионально занимающийся управлением» и поставленный «в несколько особое положение по отношению к тем, кто занят исполнительским трудом» [5].

Особую значимость спискам должностей внутри партии-государства придавал не просто сам факт ротации через назначение на ответственные посты путем обязательного коллективного решения компартии, а нечто большее. По меткой формулировке Ригби, все социально организованные активности управлялись официальной иерархией, а номенклатурными были «поголовно все существенные позиции как в государственных органах, так и в государственных предприятиях, вплоть до колхозов и формально волонтерских сообществ наподобие спортивных клубов» [55, р. 324].

Мы не будем использовать понятие «номенклатура» буквально, поскольку советская номенклатура существовала в условиях совершенно иного экономического строя. В ее мире царил административная экономика, где во всех областях жизни преобладала госсобственность, где товары и услуги присваивались и перераспределялись центром, где формировались устойчивые переговоры административного центра с предприятиями вокруг плановых цифр и показателей [3]. Восленский приходит к следующему определению номенклатуры: «это правящий, эксплуататорский, анонимный привилегированный класс бюрократов и управленцев» [5, с. 148]. М. Джилас определяет его как «новый класс», но затрудняется четко обозначить его границы [9].

Эти авторы, весьма вероятно, не были знакомы с концепцией элиты, или политического «первого» класса, сформулированной классиком элитологии Г. Моской, и тем не менее они обнаружили именно его. Первый класс, всегда малочисленный, исполняет политические функции, монополизирован власть и пользуется теми преимуществами, которые она дает. Второй, многочисленный, класс направляется и контролируется первым таким способом, который иногда более или менее узаконен, а иногда произволен и насильствен. Москва считает неизбежным, что элиты, а не массы правят любым обществом. При этом элиты, что чрезвычайно важно для различения с неомарксистским подходом, не являются продуктом индустриального или технологического пути развития [51].

Мы же будем использовать понятие номенклатурности как маркер того, что представители современных российских элит происходят именно из этого социального слоя. В рамках нашей статьи *номенклатура* и *номенклатурность* – это скорее характеристика межпоколенческой связи и тесной преемственности советских и постсоветских российских элит. Принад-

лежность к правящему классу СССР просто по факту происхождения и связанной с происхождением социализации может оказаться важным фактором для возможности попасть в политическую элиту путинской России.

Таким образом, мы приходим к сосуществованию нескольких концепций. Милитократия и олигархия пользуются популярностью, однако вопрос о связи советской номенклатуры и нынешней российской элиты по большей части не входил в интересы исследователей. И если на материале 1990-х – начала 2000-х годов проблема преемственности советских и российских элит удостоилась очень серьезного изучения с использованием эмпирических данных, то исследование с этой точки зрения «зрелой путинской эры» (2010-е – настоящее время) пребывает в настоящем забвении.

Цель и задачи

Если вы хотите радикально поставить какой-то вопрос, то сделайте это. Итак: **насколько современная российская политическая элита является естественным продолжением социальной группы «советская номенклатура»?** Причем оценка не должна носить предзаданный характер, свойственный многим посткоммунистическим исследователям, для которых смена элит в ходе выборов однозначно маркировалась положительно в случае прихода любых сил, называющих себя антикоммунистически. Подобный подход, как минимум, серьезно недооценивает важность социального капитала [54]. Мы же сосредоточимся на прояснении того, насколько представители современных российских элит были укоренены в советской номенклатуре до 1991 года. Скажем прямо, и такова наша гипотеза: из-за недостатка эмпирических данных, освещающих эту проблему на актуальном материале⁷, сегодня исследователи склонны недооценивать фактор преемственности.

На эмпирическом материале 2021 года мы хотим установить, является ли социальная укорененность в советской номенклатуре важным фактором, предопределяющим положение внутри высшего эшелона российской политической элиты. Мы исследуем генезис российской политической элиты в рамках кросс-методологического подхода, включающего в себя использование репутационных и позиционных способов идентификации элит⁸, и метода исследования, базирующегося на отслеживании социального происхождения (семейное происхождение, социально-экономический статус родителей, образование, религиозность). Мы опирались на богатую традицию, согласно которой биография является одним из определяющих факторов для формирования убеждений и ценностей политических лидеров, их мировоззрения в широком смысле.

⁷ За исключением исследования состава Государственной думы шестого созыва [23].

⁸ Основан на принципе главенства персон в ресурсных и влиятельных организациях.

В этом отношении особенно важен ряд факторов, которые мы решили отследить. Во-первых, это образование, особенно университетское. Оно часто рассматривается в качестве ключевого опыта, влияющего на ценности и поведение политика [26, 29, 67]. Но более всего исследователи уделяли внимание влиянию социального положения и рода занятий на решения, принимаемые элитами [30, 32, 37, 39, 52].

Для проверки гипотезы о наличии такого влияния в случае российской политической элиты мы провели эмпирическое исследование происхождения и социализации представителей российской элиты, выделенных с помощью методов позиционного (по состоянию на август 2021 года) и репутационного (на июль 2021 года) анализа. Мы рассматривали персоны на предмет включенности их семей в сети советской номенклатуры, на предмет наличия собственной карьеры в СССР и на предмет получения элитного образования в системе советских вузов. Мы проверили, в какую социальную группу они входили, кем были родители этих людей в Советском Союзе, в каких вузах они учились, успели ли сделать карьеру внутри государственных, партийных, в том числе молодежных или косвенно принадлежащих партии структур. Кроме того, мы зафиксировали ряд основных данных об их карьере (принадлежность к возрастной когорте по году рождения, статус в рамках структур КПСС).

Списки персоналий

Осветим вопрос о массиве данных, в данном случае – о списке персоналий, который был нами собран и проанализирован. Здесь мы исходим из базового определения, согласно которому элита – это те персоны, которые принимают ключевые решения [38]. Состав элиты традиционно устанавливается либо на основании позиционного подхода (кто занимает самые высокие позиции), либо на основании подхода репутационного (кого называют эксперты, осуществляющие позиционное наблюдение). По Карлу Попперу, фальсифицируемость является одним из главных критериев истинности научной концепции. Для того чтобы снизить погрешность и получить более объективные данные, мы проводили свои наблюдения на материалах двух разных списков. Чтобы установить, какой процент представителей нынешней российской политической элиты 2021 года был ранее укоренен в советской номенклатуре, мы использовали два элитных списка: **позиционный** и **репутационный**.

Позиционный список включает 112 персоналий, занимающих позиции во властных структурах и обладающих серьезным влиянием. Они определены на начало августа 2021 года. В составленный нами позиционный список входят:

- все члены Совета безопасности РФ, включая полномочных представителей президента в федеральных округах;
- все члены Федерального правительства (председатель, заместители председателя, руководитель Аппарата, министры, руководитель ФАС, руководитель ФНС);
- члены Администрации Президента (руководитель, заместители руководителя, помощники и советники президента);
- главы силовых ведомств, подчиняющиеся напрямую президенту;
- главы госкорпораций;
- главы Верховного и Конституционного судов;
- главы крупнейших городов федерального значения – Москвы, Санкт-Петербурга;
- председатели Госдумы и Совета Федерации, руководители Центробанка и Счетной палаты.

Данный список, предлагаемый нами как вариант позиционного способа определения российских элит, является разумным компромиссом между количеством персон, отбираемых для анализа, и мощью институтов, в которых персоны занимают главенствующее положение. Мы намеренно радикально сократили число представителей законодательной власти: в нашей выборке нет ни вице-спикеров Госдумы, ни председателей парламентских комитетов. В нашей компоновке высшего эшелона российской политической элиты помимо ключевых персон кабинета министров присутствуют члены Совбеза, ключевые сотрудники Администрации Президента РФ, госкорпораций, судов и главы госкорпораций. Расширение и уточнение списка элитариев, включенных в анализ по позиционному принципу, требует отдельного исследования и само по себе заслуживает отдельной статьи.

Репутационный список включает 100 персоналий. Нам требовалась модель, основанная на «молчаливом экспертном знании», а не на институциональной картине. Список основан на широко цитируемой экспертной модели российской элиты «Политбюро 2.0»⁹. Как было показано выше, модель пользуется авторитетом в академической среде и международным признанием. Взаимодействие ключевых элитных персоналий не является формальным институтом. Зато в серии докладов наглядно демонстрируется, что на смену «биполярной модели» с двумя балансирующими властными группами приходит секторальный подход, где, в частности, выделяется оборонно-промышленный комплекс, топливно-энергетический сектор (И.И. Сечин), промышленно-производственная сфера (С.В. Чемезов), финансовый сектор, аппарат безопасности.

⁹ За основу взят актуальный список представителей элит в рамках модели «Политбюро 2.0» на июль 2021 года.

Принимая в расчет пересечения между двумя списками, мы исследовали биографии в общей сложности 155 человек. Общий список включенных в анализ представителей элиты с точки зрения принадлежности к институтам и по методу включения представлен в табл. 1. Напомним, что главной чертой принадлежности к элитам является потенциальная или актуальная возможность участия в принятии политических решений.

Таблица 1

Структурный состав российской элиты

Элиты	2021 г. ПОЗ	2021 г. ПБ2.0
Президент и ключевые члены президентской администрации (руководитель, главы департаментов, помощники и советники президента)	26	8
Все члены Совета безопасности, включая представителей президента в федеральных округах	18	16
Все члены федерального правительства (премьер, вице-премьеры, министры, руководитель аппарата и его заместители, главы ФАС и ФНС)	31	14
Руководители силовых ведомств [Renz, 2013]	13	9
Руководители Москвы и Санкт-Петербурга	2	1
Руководители верхней и нижней палаты парламента, ЦБ и Счетной палаты	5	5
Председатели Верховного и Конституционного судов	2	1
Главы госкорпораций	21	15
Главы крупного бизнеса	0	20
Другое (государственные фонды, неформальные должности и проч.)	0	22
Промежуточный итог	112	100
Всего персон	154 чел. на 01.09.2021	

Данные, легшие в основу авторской базы данных о маркерах номенклатурности, собраны, главным образом, с помощью анализа открытых источников (сообщения СМИ, автобиографии, интервью и публикации в сети Интернет). Совместив два списка персоналий, составляющих политическую элиту, собранных на основании позиционного и репутационного методов, мы исследовали их социальное происхождение, путь социализации через высшее образование и карьерные траектории с точки зрения соприкосновения с миром советской номенклатуры.

Возрастные когорты

Большой процент рассматриваемых фигур из списков российской политической элиты образца 2021 года успели сделать эффективную карьеру в рядах советской номенклатуры (44 % в репутационном списке). Разделив список на возрастные когорты по годам рождения, мы получили результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Разбивка российских элит (на 2021 г.) по возрастным когортам

Список	Всего	1940-е	1950-е	1960-е	1970-е	1980-е
Позиционный	112	7 (6 %)	34 (30,4 %)	44 (39,3 %)	22 (19,6 %)	5 (4,5 %)
Репутационный	100	9 (9 %)	34 (34 %)	36 (36 %)	18 (18 %)	3 (3 %)
Итоговый	154	13 (8,4 %)	48 (31 %)	57 (37 %)	29 (18,8 %)	7 (4,5 %)

Представителей поколения 1940-х оказалось 13 человек. Для них карьера внутри номенклатуры также является скорее правилом, чем исключением. Однако действительно высокие позиции занимали лишь 3 человека: В. Зубков, первый заместитель председателя Ленинградского областного исполнительного комитета, его коллега в статусе заместителя В. Матвиенко и бессменный лидер КПРФ Г. Зюганов – заведующий сектором пропаганды в отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС. Карьеры еще 10 персон скромнее. Они говорят об их успешном вхождении в средний слой номенклатуры: чиновник второго ранга в советском заграничном представительстве (Ушakov), заместитель начальника Управления Министерства газовой промышленности СССР (Тринога), начальник Управления по науке и технике Мосгорисполкома (Евтушенков), профессор ведомственного силового вуза (Зорькин).

Как показывает биографический анализ, для когорты 1950-х занять высокую номенклатурную должность к моменту распада СССР было уже значительно сложнее. Как правило, представители этой когорты смогли пробиться в нижние и реже средние слои номенклатуры. Это чиновники уровня заместителя начальника управлений в советских министерствах (Лавров), начальники и заместители начальников исполкомов областей и краев СССР (Голоконский, Трутнев), сотрудники, как правило в статусе начальников отделов (Чайка) или инструкторов (Шойгу) краевых организаций КПСС, прокуроры (Устинов, Козак), наследственные (Михельсон) и заслуженные (Грызлов, Алекперов) красные директора, дипломатические ра-

ботники второго разряда (глава ВТБ Костин, Дмитриев) и, конечно, офицеры КГБ (Полтавченко, Чиханчин, Чемезов, Нургалиев и т. д.) К ним же мы относим мелких партийных боссов на крупных предприятиях (Памфилова), в университетах (Бастрыкин) и секретарей райисполкомов (Мутко).

Хотя большинство представителей многочисленной когорты 1950-х, к которой относится и президент В. Путин, имеет следы номенклатурной карьеры, 26 нынешних элитариев такой карьеры не имеют. Однако оценки по семье и вузу могут скорректировать наши представления об отсутствии связей с номенклатурой для таких персон, как Брычева и Белоусов (один балл и за семью, и за вуз).

Теперь поговорим о карьерах людей из когорты 1960-х, которым на момент распада СССР было не более 30 лет. Среди них серьезные карьеры на номенклатурных позициях уже скорее исключение, чем правило, и тех, кто сделал действительно серьезную карьеру, просто нет. Кого мы записали в карьеристы в этой когорте? В первую очередь комсомольцев, например, нынешнего первого замглавы Администрации Президента Кириенко. Нынешний директор Росатома Лихачев встретил распад СССР, будучи секретарем Горьковского горкома ВЛКСМ. Лучшую карьеру в комсомоле сделала Джахан Поллыева (род. в 1960 г.), дойдя до должности заведующей политико-правовым отделом Научно-исследовательского центра при Институте молодежи ЦК ВЛКСМ и Госкомтруда СССР. Кроме того, в эту категорию попали старший экономист Министерства финансов РСФСР Силуанов, сотрудник системы внешней торговли СССР Потанин и молодой сотрудник МИДа (по протекции приемного отца и распределению) Песков. Мы приписали к карьеристам и явно аффилированных с КГБ работников, например Сечина, который некоторое время в конце СССР отвечал в ЛГУ за выезд советских студентов и преподавателей за границу, а также работников советской прокуратуры по распределению после элитных вузов (Чуйченко), дипломатических работников (Громов). Среди более спорных случаев – чистые силовики: офицеры КГБ без очевидного функционала (Зиничев, Кочнев, Серышев) и советский офицер с дополнительным политическим образованием (Меняйло), молодой международный корреспондент в Париже гос. агентства ТАСС (Щеголев). В этой категории уже заметно, что начальные номенклатурные должности с рубежа 1960-х достаются почти исключительно тем, у кого есть семейный статус, но этот вопрос явно выходит за рамки настоящей статьи.

Когорта рожденных в 1970-х внутри российской элиты медленно, но верно растет. В нашей выборке она включает 29 человек. Все они были очень молоды на момент распада СССР, чтобы занять ответственную должность для начала успешной карьеры. Таким образом, прямой карьерный анализ здесь невозможен. Но с точки зрения номенклатурности

через социализацию оценка возможна: в четырех случаях мы идентифицировали вуз как элитный. Из представителей этого поколения по происхождению однозначно к номенклатуре могут быть отнесены Вайно и Ярин, с оговорками – Турчак и Патрушев-младший. К сожалению, именно в этой когорте пробелы в семейной биографии становятся правилом. Сразу у девяти (треть всей группы) молодых элитариев полностью отсутствуют данные о родителях, причем речь идет не только о силовиках, включая публичную фигуру Генпрокурора Краснова. Российское общество ничего не знает о семейном происхождении высокопоставленных гражданских чиновников Правительства Мишустина: Абрамченко, Григоренко, Шадаева, Решетникова, Акимова, Шаскольского и экс-министров Дитриха и Акимова (глава Почты России).

Наконец, из когорты 1980-х в нашу выборку вошло 6 персон. Это министры Котьяков, Любимова, Козлов, губернатор Алиханов, предприниматель Кириенко и помощник президента Орешкин. Ни карьерно, ни через высшее образование с номенклатурой СССР они по понятным причинам не связаны. Однако по семейной истории трое из них имели отношение к низшей номенклатуре, а еще один (Козлов) не раскрыл о своих родителях даже минимальных данных. Таким образом, с течением времени карьерный анализ будет давать всё меньше возможностей проследить связи с номенклатурой, а анализ происхождения – предоставлять больше таких возможностей.

Общие результаты и оценки

Опорным для нас являлся критерий социальной укорененности в рядах номенклатуры, т. е. наличие сетевых связей, которые могли приобретаться на разных этапах: в семье, на этапе обучения, в процессе построения карьеры. В рамках нашего исследования тот, чьи родители в СССР находились на руководящих должностях, имеет номенклатурное происхождение. Важно отметить, что мы считаем это важным фактором не просто по факту рождения, а в силу включенности индивида в социальные сети, которая происходит еще на самом раннем этапе социализации (семья и ее круг общения). Полезные социальные связи можно завести в вузе: в одних случаях они дополнительно укрепляются, в других – создаются. Наконец, руководящая должность является важным маркером (а также и следствием) включенности в социальные сети номенклатуры. В разряд номенклатуры мы относим директоров заводов, прокуроров, офицеров КГБ, сотрудников аппарата ЦК, секретарей горкомов, парткомов и дипломатических миссий, сотрудников Внешторга, начальников колоний и отделов различных министерств, администраторов высшей школы и т. д.

В рамках нашего исследования мы решили определять номенклатурность текущей элиты в соответствии с авторской шкалой оценки, в рам-

ках которой отдельные оценки присваивались треку социального происхождения (трехбалльная система), карьерному треку (трехбалльная система) и факту учебы в вузе (двухбалльная система). Чтобы оценить принадлежность семьи рассматриваемого субъекта к советской номенклатуре, использовалась следующая градация оценок: 0 – нет оснований для включения, 1 – включение по минимальным критериям (нижний и средний слой номенклатурных работников), 2 – включение на основе происхождения из семей высокоранговой советской номенклатуры. Чтобы оценить принадлежность рассматриваемого субъекта к советской номенклатуре на основании его карьеры, использовалась следующая градация оценок: 0 – нет оснований для включения (нет признаков работы на номенклатурных должностях), 1 – включение по минимальным критериям (нижний и средний слой номенклатурных работников), 2 – высокоранговая номенклатура). Таким образом, мы получаем сравнимые параметры включения в номенклатуру как за принадлежность к семье, так и за личную карьеру. За учебу на номенклатурных факультетах советских вузов добавлялся один балл. Все полученные баллы суммировались.

Результаты интерпретировались следующим образом: 3 балла и более – крайне высокая степень интегрированности в советскую номенклатуру (группа «вросшие»); 2 балла – прослеживается связь с советской номенклатурой, но она не столь сильна, как у первой группы (группа «ассоциированные»); один балл и менее – оценка на уровне погрешности (группа «неассоциированные»). Результаты анализа представлены в табл. 3.

Таблица 3

Связи российских элит (на 2021 г.) с советской номенклатурой

Список	Всего	Имеющие связи с номенклатурой, кол-во (%)		Возможно, связь есть (один балл), кол-во (%)	Связь не выявлена, кол-во (%)
		Высокая степень интегрированности (3 балла и выше)	Ассоциированность (2 балла и выше)		
Позиционный	112	16 (14,2 %)	59 (52,6 %)	38 (33,9 %)	15 (13,4 %)
Репутационный	100	18 (18 %)	50 (50 %)	35 (35 %)	15 (15 %)
Итоговый	154	22 (14,3 %)	73 (47,4 %)	59 (38,3 %)	22 (14,3 %)

Итак, данные табл. 3 позволяют сделать вывод о том, что около половины современных российских элитариев можно отнести к категории ассоциированных с советской номенклатурой. Внутри этой категории выделяется группа (14 % по позиционному списку и 18 % по репутационному), которая имеет высокую степень интеграции с советской номенклатурной средой. Отметим, что такой результат почти не зависит от того, прибегаем мы к позиционному или репутационному методу выделения элит (50 % в репутационном либо 52,6 % в позиционном). Из-за недостатка сведений в открытых источниках еще 13–15 % представителей элиты с некоторой вероятностью могут иметь эту связь (в рамках настоящего исследования они получили один балл), и лишь около трети (33,9 % в позиционном и 35 % в репутационном) были отнесены нами к группе «не ассоциированные с советской номенклатурой». Полученные цифры говорят о достаточно тесной связи современных российских и старых советских элит либо по семейной, либо по личной карьерной траектории. Менее строгая оценка, выраженная через цифры потенциальной связи текущей элиты с советской номенклатурной, представлена в табл. 4, из которой видно, что репутационный и позиционный списки дают очень похожие результаты.

Таблица 4

Фактор укорененности российских элит (на 2021 г.) в советской номенклатуре (до 1991 г.)

Список	Всего	Потенциально соприкасаются с номенклатурой, кол-во (%)		Имеют связи с номенклатурой (2 балла и выше), кол-во (%)
		Семья (один балл и выше за семью)	Личная карьера в СССР (один балл и выше за карьеру)	
Позиционный	112	65 (58 %)	46 (41,1 %)	59 (52,6 %)
Репутационный	100	59 (59 %)	44 (44 %)	50 (50 %)
Итоговый	154	83 (53,9 %)	59 (38,3 %)	73 (47,4 %)

По итогам исследования мы получили следующие результаты.

В позиционном списке имеют отношение к советской номенклатуре (суммарные оценки 2 балла и выше) 59 из 112 человек (52,6 %).

В репутационном списке – 50 из 100 человек (50 %).

На основании дескриптивного сравнительного анализа двух независимых списков мы можем заключить, что номенклатурный «бэкграунд» в современной российской элите имеют **50–52 % акторов, и ещё 13–15 % могут относиться к ней со значимой долей вероятности**. Особенно важно, что данные показатели обнаруживаются вне зависимости от подхода, на основе которого составлен список элитных персоналий. Еще раз укажем на то, что часто информация является неполной и требующей уточнения. Кроме того, при интерпретации полученных нами результатов важно учитывать, что мы решили исключить из наших оценок максимально возможное число спорных случаев. В ситуации неполной определенности либо нехватки данных мы ставили оценку «0» (рассматриваемая фигура вполне могла быть укоренена в советской номенклатуре, но у нас нет доказательств). Многие из тех, чье происхождение мы не стали считать «номенклатурным», имеют значительные лакуны в своей биографии (особенно это касается многих министров, назначенных в 2019–2020 годах).

Заключение

Российская политическая элита имеет сильную межпоколенческую связь с советской номенклатурой и во многом наследует ей, а процент выходцев из советской номенклатуры в российской политической элите образца 2021 года по-прежнему высок. Почти половина из списка проанализированных нами лиц имеют с номенклатурой явную ассоциированную связь.

Верхняя граница доступной оценки связи между советскими и российскими элитами может оказаться даже выше при условии углубленного исследования в форме контактных глубинных личных интервью вместо сбора материалов по открытым источникам. Но даже если остановиться на минимальных цифрах, то стоит признать, что это серьезный фактор кооптации: выходцы из социального класса, представлявшего на момент распада СССР около 1,5–2 % населения страны, составляют половину современной российской элиты. Концепция о «номенклатурном» происхождении российских политических элит остается крайне актуальной и может являться значимой альтернативой для милитократического видения. Так, доля силовиков в российской политической элите составляет, по самым оптимистичным данным, около 25 % [42], а по более точным подсчетам – всего 13,9 % [21].

Нехватка информации в открытых источниках по-прежнему является значимой проблемой предлагаемого нами метода исследования. Так, в зону отсутствия итогового решения в рамках бинарного анализа вошли 36 % включенных в выборку лиц. Мы знаем о социальном бэкграунде российских элит только то, что они сами о себе сообщили. Новое поколение

российских элит (рожденное в 1970-х, получившее образование в 1990-х и сделавшее карьеру в 2000-х) либо скрывает информацию о своем происхождении, либо еще не успело представить публике свои официальные биографии.

Полученные нами результаты показывают, что социальный слой советской номенклатуры несомненно обнаруживает высокую способность к сохранению и самовоспроизводству даже спустя 30 лет после распада СССР и образования независимых государств. Два полученных нами ответа: «советская номенклатура осталась у власти» и «советская номенклатура претерпела серьезные изменения» – в принципе не противоречат друг другу. Наследие социальной группы советских управленцев на практике оказывается более живучим, чем может показаться на первый взгляд. В этом контексте формулировка «распад Советского Союза» может ввести в заблуждение. Она логически подразумевает разрушение старой системы и создание новой, однако старая элита – пускай и не в полном своем составе и скорее через представителей средних своих ступеней – сохранила свою власть и свой социальный статус. Возможно, просто потому, что некому было ее заменить.

Особняком стоит вопрос о практических последствиях широкой представленности в элите персон, связанных с советской номенклатурой для политического курса страны. Мы лишь отметим, что небольшая представленность высшего слоя советской бюрократии и серьезная доля представителей нижнего и среднего уровней иерархии, на которую обращали внимание исследователи еще в 1990-е годы, сохраняется как структурная особенность и в 2021 году. Можно попробовать связать недостаточную толерантность элит к демократическим практикам, постоянное подавление свободной конкуренции за выборные посты и желание опираться на жесткие, ригидные традиционные структуры [47] с доминированием в элитной среде представителей тех уровней советской иерархии, где дискуссии и обсуждение приказов сверху пресекались, а переговорных практик, голосования и элементов коллективного управления, характерного для уровня кандидатов и членов партийного Политбюро, не существовало.

Литература

1. *Ашин Г.К.* Правящая элита и общество // Свободная мысль. – 1993. – № 7. – С. 58–69.
2. *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: исследования клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. – М.: МОНФ, 2000. – 320 с.

3. Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 3–12.
4. Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2012. – 352 с.
5. Восленский М.В. Номенклатура. – М.: Захаров, 2005. – 640 с.
6. Галеотти М. Воры. История организованной преступности в России. – М.: Individuum, 2019. – 448 с.
7. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: Интеллект, 1998. – 416 с.
8. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследования в российской политической науке // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 38–73.
9. Джилас М. Новый класс. – М.: Новости, 1992. – 554 с.
10. Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 2. – С. 14–54.
11. Мельвилль А.Ю. Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований / Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 22–43.
12. Малинова О.Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 45–69.
13. Малинова О.Ю. Тема «лихих девяностых» в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 53–63.
14. Нисневич Ю.А. Правящая номенклатура сегодня: «захват государства» // Общественные науки и современность. – 2014. – № 5. – С. 88–97.
15. Нисневич Ю.А. Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. – 56 с.
16. Нисневич Ю.А. Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя в постсоветской России // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С. 143–152.
17. Пелевин В.О. ДПП (nn). – М.: Эксмо, 2003. – 384 с.
18. Прибыловский В.В., Фельштинский Ю.Г. Корпорация. Россия и КГБ во времена президента Путина. – М.: Терра, 2010. – 568 с.
19. Петров К.Е. Доминирование концептуальной многозначности: «сильное государство» в российском политическом дискурсе // Полис. – 2006. – № 3. – С. 159–184.
20. Ратленд П. Постсоветские элиты России // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 55–72.
21. Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформаций в российской элите / пер. Чугрова С. // Полис. – 2009. – № 5. – С. 61–66.
22. Снеговая М. Неопатримониализм и перспективы демократизации // Отечественные записки. – 2013. – № 6. – С. 135–145.

23. *Тев Д.Б.* Государственная Дума РФ шестого созыва: социально-профессиональные характеристики бассейна рекрутирования депутатов // *Власть и элиты*. – 2017. – № 4. – С. 67–128.
24. *Хлебников П.* Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. – М.: Детектив-Пресс, 2000. – 392 с.
25. *Хоффман Д.* Олигархи: богатство и власть в новой России. – М.: Corpus, 2010. – 816 с.
26. *Besley T, Montalvo J, Reynal-Querol M.* Do Educated Leaders Matter? // *The Economic Journal*. – 2011. – N 121. – P. 205–227.
27. *Davisha K.* Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia? – New York: Simon & Schuster, 2014. – 464 p.
28. *Demin A., Libman A., Eras L.* Post-socialist transition, authoritarian consolidation and social origin of political elites: the case of Russian regional governors // *Eurasian Geography and Economics*. – 2019. – Vol. 60, N 3. – P. 257–283.
29. *Ejfofi U.* Politicians' Attributes and Institutional Quality in Africa: A Focus on Corruption // *Journal of Economic Issues*. – 2015. – Vol. 49. – P. 787–813.
30. *Fuhrmann M.* When do leaders free-ride? Business experience and contributions to collective defense // *American Journal of Political Science*. – 2020. – Vol. 64, N 2. – P. 416–431.
31. *Gel'man V., Tarusina I.* Studies of political elites in Russia: issues and alternatives // *Communist and Postcommunist Studies*. – 2000. – Vol. 33, N 3. – P. 311–329.
32. *Göblmann S., Vaubel R.* The Educational and Occupational Background of Central Bankers and Its Effect on Inflation: An Empirical Analysis // *European Economic Review*. – 2007. – Vol. 51, N 4. – P. 925–941.
33. *Graham T.* From oligarchy to oligarchy: the structure of Russia's ruling elite // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 1999. – Vol. 7 (3). – P. 325–340.
34. *Hale H.* Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 542 p.
35. *Hale H.* Russian Patronal Politics Beyond Putin // *Daedalus*. – 2017. – Vol. 2. – P. 30–40.
36. *Hanley E., Yershova N., Anderson R.* Russia – Old Wine in a New Bottle? The Circulation and Reproduction of Russian Elites, 1983–1993 // *Theory and Society*. – 1995. – Vol. 5. – P. 639–668.
37. *Hayo B., Neumeier F.* Political leaders' socioeconomic background and public budget deficits: Evidence from OECD countries // *Economics and Politics*. – 2016. – Vol. 28 (1). – P. 55–78.
38. *Higley J.* Elite theory and elites // *Handbook of politics*. – New York: Springer, 2010. – P. 161–176.
39. *Jochimsen B., Thomasius S.* The Perfect Finance Minister: Whom to Appoint as Finance Minister to Balance the Budget? // *European Journal of Political Economy*. – 2014. – Vol. 34. – P. 390–408. – DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2013.11.002.

40. *Kryshtanovskaya O., White S.* The Sovietization of Russian Politics // Post-Soviet Affairs. – 2009. – Vol. 25, N 4. – P. 283–309.
41. *Kryshtanovskaya O., White S.* From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // Europe-Asia Studies. – 1996. – Vol. 48, N 5. – P. 711–733.
42. *Kryshtanovskaya O., White S.* Putin's Militocracy // Post-Soviet Affairs. – 2003. – Vol. 19, N 4. – P. 289–306.
43. *Lane D., Ross C.* The Transition from Communism to Capitalism: Ruling Elites from Gorbachev to Yeltsin. – London: Palgrave Macmillan, 1998. – 259 p.
44. *Laruelle M., Radvanyi J.* Understanding Russia: The Challenges of Transformation. – Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield, 2018. – 184 p.
45. *Ledeneva A.V.* Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks, and Informal Governance. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 330 p.
46. *López M.* Elite theory // Sociopedia. isa. – 2013. – P 1–12.
47. *Magyar B., Madlovics B.* Stubborn structures: A path-dependence explanation of transitions in the postcommunist region // Social Research: An International Quarterly. – 2019. – Vol. 86 (1). – P. 113–146.
48. *Minchenko E., Petrov K.* Vladimir Putin's Big Government and the 'Politburo 2.0'. – Moscow: Minchenko Consulting, 2012. – URL: https://minchenko.ru/netcat_files/File/Big%20Government%20and%20the%20Politburo%202_0.pdf (accessed: 11.08.2022).
49. *Minchenko E., K. Petrov.* Politburo 2.0: Renovation Instead of Dismantling. – Moscow: Minchenko Consulting, 2017. – URL: https://minchenko.ru/netcat_files/user_files/2/Dokumenty/Politburo_2.0_October_2017_ENG.pdf (accessed: 11.08.2022).
50. *Monday C.* Privatization to putinization: The genesis of Russia's hobbled oligarchy // Communist and Post-Communist Studies. – 2017. – N 4. – P. 303–317.
51. *Mosca G.* The Ruling Class. – New York: McGraw-Hill, 1939. – 514 p.
52. *O'Grady T.* Careerists versus coal-miners: Welfare reforms and the substantive representation of social groups in the British Labour party // Comparative Political Studies. – 2019. – Vol. 52 (4). – P. 544–578.
53. *Petrov K., Gel'man V.* Do elites matter in Russian foreign policy? The gap between self-perception and influence // Post-Soviet Affairs. – 2019. – N 5–6. – P. 450–460.
54. *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. – Princeton: Princeton University Press, 1993.
55. *Rigby T.H.* New Top Elites for Old in Russian Politics // British Journal of Political Science. – 1999. – N 2. – P. 323–343.
56. *Rivera Sh.W.* Elites in Post-Communist Russia: A Changing of the Guard? // Europe-Asia Studies. – 2000. – № 3. – P. 413–432.
57. *Rutland P.* The Political Elite in Post-Soviet Russia // The Palgrave Handbook of Political Elites. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – P. 273–294.
58. *Schulmann E., Galeotti M.* A tale of two councils: the changing roles of the security and state councils during the transformation period of modern Russian politics // Post-Soviet Affairs. – 2021. – Vol. 37 (5). – P. 453–469.

59. *Sergeev V.* The Wild East: Crime and Lawlessness in Post-Communist Russia. – Armonk: M.E. Sharpe, 1998. – 191 p.
60. *Snegovaya M., Petrov K.* Long Soviet Shadows: The Nomenklatura Ties of Putin Elites. // *Post-Soviet Affairs*. – 2022. – Vol. 38 (4). – P. 329–348. – DOI: 10.1080/1060586X.2022.2062657.
61. *Steen A.* Political Elites in the New Russia. – London; New York: RoutledgeCurzon, 2003. – 224 p. – (Basees Curzon Series on Russian & East European Studies; 5).
62. *Stoner K.* Russia Resurrected: Its Power and Purpose in a New Global Order. – New York: Oxford University Press, 2021. – 345 p.
63. *Szelenyi I., Szelenyi S.* Circulation or reproduction of elites during the postcommunist transformation of Eastern Europe // *Theory and Society*. – 1995. – N 5. – P. 615–638.
64. The Making of a Neo-KGB State: Russia under Putin // *The Economist*. – 2007. – August 25 (N 8543). – P. 25–28.
65. *Treisman D.* Putin's Silovarchs // *Orbis*. – 2007. – N 1. – P. 141–153.
66. *Voslensky M.* Nomenklatura: Anatomy of the Soviet Ruling Class. – London: The Bodley Head Ltd, 1984.
67. *Yu S., Jong-A-Pin R.* Political Leader Survival: Does Competence Matter? // *CESifo Working Paper Series*. – 2013. – Vol. 4465.
68. *Zimmerman W.* The Russian People and Foreign Policy: Mass and Elite Perspectives, 1993–2000. – Princeton: Princeton University Press, 2002. – 250 p.

Статья поступила в редакцию 27.03.2022.

Статья прошла рецензирование 14.04.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-93-122

NOMENKLATURA ROOTS OF THE RUSSIAN ELITE: 30 YEARS LATER

Petrov, Kirill,

*Cand. of Sc. (Political Sciences),
Senior Research Fellow at MGIMO University,
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation;
Associate Professor at the Financial University under the
Government of the Russian Federation,
49 Leningradsky Avenue, 125993, Moscow, Russian Federation*
ORCID: 0000-0001-9136-2717
orkir@mail.ru

Snegovaya, Maria,

*Postdoctoral Fellow,
Department of Political Science, Virginia Tech, USA, Blacksburg*
ORCID: 0000-0002-7979-5672
snegovaya@gmail.com

Chubarov, Denis,

*Postgraduate student,
Faculty of History, Lomonosov Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*
ORCID: 0000-0001-9282-8670
dchubarov3@mail.ru

Abstract

The article is devoted to understanding the origins of the Russian political elite. Relying on the empirical material of 2021, the authors study whether social ties in the Soviet managing class called “nomenklatura” is an important factor determining the position within the top echelon of the Russian political elite. In order to explore the genesis of the Russian political elite, we used a cross-methodological approach as well as the research method based on tracking their social origin. Our empirical basis is an original database for identifying elites including two elite lists, positional and reputational ones. The positional list for our analysis includes 112 personalities who hold positions in power structures provided with significant influence at the beginning of August 2021. The reputation list for analysis includes 100 personalities, based on the widely cited expert model “Politburo 2.0”. To set up the connection between the current Russian political elite and the social group known to us as the Soviet “nomenklatura”, we use the combined method. The “nomenklatura” heritage rating given for career, family and educational environment we assigned and summarized. Based on the results of the study, the following results were reached: as for the positional list, 59 out of 112 personalities (52.6 %) are related to the Soviet nomenklatura (total ratings of 2 and above), as for the reputation list – 50 out of 100 (50 %). Based on

a descriptive comparative analysis of two independent lists, we conclude that at least a half of contemporary elite actors have this kind of background among the modern Russian top-tier elite, and another 13–15 % can relate to it with a significant degree of probability. It is noticeable that the proportion we found approved regardless of the approach the list of elite personalities is based on.

Keywords: Russian elites, nomenklatura, post-Soviet studies, oligarchy, elite studies, neo-elitism, neo-patrimonialism, post-Soviet development, cross-methodological approach.

Bibliographic description for citation:

Petrov K., Snegovaya M., Chubarov D. Nomenklatura Roots of the Russian Elite: 30 Years Later. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 1, pp. 93–122. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-93-122.

References

1. Ashin G.K. Pravyashchaya elita i obshchestvo [The ruling elite and society]. *Svobodnaya mysl' = Free thought*, 1993, no. 7, pp. 58–69.
2. Afanas'ev M.N. Klientelizm i rossiiskaya gosudarstvennost': issledovaniya klientarnykh otnoshenii, ikh roli v evolyutsii i upadke proshlykh form rossiiskoi gosudarstvennosti, ikh vliyaniya na politicheskie instituty i deyatelnost' vlastvuyushchikh grupp v sovremennoi Rossii [Clientelism and Russian statehood, studies of client relations, their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on political institutions and the activities of ruling groups in modern Russia]. Moscow, MONF Publ., 2000. 320 p.
3. Burawoy M. Tranzit bez transformatsii: involyutsiya Rossii k kapitalizmu [Transit without transformation, Russia's involution towards capitalism]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2009, no. 9, pp. 3–12.
4. Volkov V.V. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Power Entrepreneurship, 21st Century, Economic and Sociological Analysis]. St. Petersburg, Evropeiskii universitet Publ., 2012. 352 p.
5. Voslenskii M.V. *Nomenklatura* [Nomenklatura]. Moscow, Zakharov Publ., 2005. 640 p.
6. Galeotti M. *The vory: Russia's super mafia*. New Haven, London, Yale University Press, 2017 (Russ. ed.: Galeotti M. *Vory. Istoriya organizovannoy prestupnosti v Rossii*. Moscow, Individuum Publ., 2019. 448 p.).
7. Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoi evolyutsii* [Political elites of Russia, milestones of historical evolution]. Moscow, Intellekt Publ., 1998. 416 p.
8. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity kak ob'ekt issledovaniya v rossiiskoi politicheskoi nauke [Political Elites as an Object of Research in Russian Political Science]. *Politicheskaya nauka = Political Science (RU)*, 2016, no. 2, pp. 38–73.
9. Djilas M. *Novyi klass* [The new class]. Moscow, Novosti Publ., 1992. 554 p. (In Russian).

10. Duka A.V. Transformatsiya postsovetskikh politiko-administrativnykh elit [Transformation of post-Soviet political and administrative elites]. *Aktual'nye problemy Evropy = Current problems of Europe*, 2017, no. 2, pp. 14–54.
11. Melville A.Yu. Vyiti iz “getto”: o vklade postsovetskikh issledovaniy / Russian Studies v sovremennuyu politicheskuyu nauku [“Out of the Ghetto”: On the Contribution of Post-Soviet/Russian Studies to Contemporary Political Science]. *Polis. Politicheskoe issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2020, no. 1, pp. 22–43.
12. Malinova O.Yu. Obosnovanie politiki 2000-kh godov v diskurse V.V. Putina i formirovanie mifa o «likhikh devyanostykh» [Justification of the policy of the 2000s in the discourse of V.V. Putin and the formation of the myth of the “dashing nineties”]. *Politicheskaya nauka = Political Science (RU)*, 2018, no. 3, pp. 45–69.
13. Malinova O.Yu. Tema «likhikh devyanostykh» v diskursakh rossiiskikh kommunistov i natsional-patriotov [The Issue of “The Turbulent 1990s” in Discourses of Russian Communists and National-Patriots]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Bulletin of Perm state university. Political science*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 53–63.
14. Nisnevich Yu.A. Pravyashchaya nomenklatura segodnya: “zakhvat gosudarstva” [The ruling nomenklatura today, “capturing state”]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, 2014, no. 5, pp. 88–97.
15. Nisnevich Yu.A. *Regeneratsiya nomenklatury kak pravyashchego sotsial'nogo sloya* [Regeneration of the nomenklatura as the ruling social stratum]. Moscow, HSE Publ., 2015. 56 p.
16. Nisnevich Yu.A. Regeneratsiya nomenklatury kak pravyashchego sotsial'nogo sloya v postsovetskoj Rossii [Regeneration of the nomenklatura as the ruling social stratum]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2018, no. 8, pp. 143–152.
17. Pelevin V.O. *DPP (NN)* [The Dialectics of Transition Period from Out of Nowhere to Nowhere]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 384 p.
18. Pribylovskii V.V., Fel'shtinskii Yu.G. *Korporatsiya. Rossiya i KGB vo vremena prezidenta Putina* [Corporation. Russia and the KGB under President Putin]. Moscow, Terra Publ., 2010. 568 p.
19. Petrov K.E. «Sil'noe gosudarstvo» v rossijskom politicheskom diskurse [Domination of Conceptual Polysemy: Strong State in Russian Political Discourse]. *Polis. Politicheskoe issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2006, no. 3, pp. 159–184.
20. Ratlend P. Postsovetskie elity Rossii [Post-Soviet elites of Russia]. *Polis. Politicheskoe issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2016, no. 3, pp. 55–72.
21. Rivera Sh., Rivera D. K bolee tochnym otsenkam transformatsii v rossiiskoi elite [Towards more accurate assessments of transformations in the Russian elite]. *Polis. Politicheskoe issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2009, no. 5, pp. 61–66.
22. Snegovaya M. Neopatrimonializm i perspektivy demokratizatsii [Neopatrimonialism and prospects for democratization]. *Otechestvennye zapiski*, 2013, no. 6, pp. 135–145. (In Russian).
23. Tev D.B. Gosudarstvennaya Duma RF shestogo sozyva: sotsial'no-professional'nye kharakteristiki basseina rekrutirovaniya deputatov [State Duma of the Russian

Federation of the sixth convocation, socio-professional characteristics of the pool of recruitment of deputies]. *Vlast' i elity = Power and Elites*, 2017, no. 4, pp. 67–128.

24. Khlebnikov P. *Krestnyi otets Kremlya Boris Berezovskii, ili Istoriya razgrableniya Rossii* [Godfather of the Kremlin. Boris Berezovsky, or the history of the plunder of Russia]. Moscow, Detektiv-Press, 2000. 392 p.

25. Hoffman D. *Oligarkhi: bogatstvo i vlast' v novoi Rossii* [Oligarchs. Wealth and power in the new Russia]. Moscow, Corpus Publ., 2010. 816 p.

26. Besley T., Montalvo J., Reynal-Querol M. Do Educated Leaders Matter? *The Economic Journal*, 2011, no. 121, pp. 205–227.

27. Dawisha K. *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* New York, Simon & Schuster, 2014. 464 p.

28. Demin A., Libman A., Eras L. Post-socialist transition, authoritarian consolidation and social origin of political elites: the case of Russian regional governors. *Eurasian Geography and Economics*, 2019, vol. 60, no. 3, pp. 257–283.

29. Efobi U. Politicians' Attributes and Institutional Quality in Africa: A Focus on Corruption. *Journal of Economic Issues*, 2015, vol. 49, pp. 787–813.

30. Fuhrmann M. When do leaders free-ride? Business experience and contributions to collective defense. *American Journal of Political Science*, 2020, vol. 64, N 2, pp. 416–431.

31. Gel'man V., Tarusina I. Studies of political elites in Russia, issues and alternatives. *Communist and Postcommunist Studies*, 2000, vol. 33, no. 3, pp. 311–329.

32. Göhlmann S., Vaubel R. The Educational and Occupational Background of Central Bankers and Its Effect on Inflation, An Empirical Analysis. *European Economic Review*, 2007, vol. 51, no. 4, pp. 925–941.

33. Graham T. From oligarchy to oligarchy, the structure of Russia's ruling elite. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 1999, vol. 7 (3), pp. 325–340.

34. Hale H. *Patronal Politics, Eurasian Regime Dynamics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015. 542 p.

35. Hale H. Russian Patronal Politics Beyond Putin. *Daedalus*, 2017, vol. 2, pp. 30–40.

36. Hanley E., Yershova N., Anderson R. Russia: Old Wine in a New Bottle? The Circulation and Reproduction of Russian Elites, 1983–1993. *Theory and Society*, 1995, vol. 5, pp. 639–668.

37. Hayo B., Neumeier F. Political leaders' socioeconomic background and public budget deficits, Evidence from OECD countries. *Economics and Politics*, 2016, vol. 28 (1), pp. 55–78.

38. Higley J. Elite theory and elites. *Handbook of politics*. New York, Springer, 2010, pp. 161–176.

39. Jochimsen B., Thomasius S. The Perfect Finance Minister: Whom to Appoint as Finance Minister to Balance the Budget? *European Journal of Political Economy*, 2014, vol. 34, pp. 390–408. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2013.11.002.

40. Kryshchanovskaya O., White S. The Sovietization of Russian Politics. *Post-Soviet Affairs*, 2009, vol. 25, no. 4, pp. 283–309.

41. Kryshchanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite. *Europe-Asia Studies*, 1996, vol. 48, no. 5, pp. 711–733.

42. Kryshchanovskaya O., White S. Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*, 2003, vol. 19, no. 4, pp. 289–306.
43. Lane D., Ross C. *The Transition from Communism to Capitalism: Ruling Elites from Gorbachev to Yeltsin*. London, Palgrave Macmillan, 1998. 259 p.
44. Laruelle M., Radvanyi, J. *Understanding Russia: The Challenges of Transformation*. Lanham, Maryland, Rowman and Littlefield, 2018. 184 p.
45. Ledeneva A.V. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks, and Informal Governance*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 330 p.
46. López M. Elite theory. *Sociopedia.isa*, 2013, pp. 1–12.
47. Magyar B., Madlovics B. Stubborn structures: A path-dependence explanation of transitions in the postcommunist region. *Social Research: An International Quarterly*, 2019, vol. 86 (1), pp. 113–146.
48. Minchenko E., Petrov K. *Vladimir Putin's Big Government and the 'Politburo 2.0'*: Moscow, Minchenko Consulting, 2012. Available at: https://minchenko.ru/netcat_files/File/Big%20Government%20and%20the%20Politburo%202_0.pdf (accessed 11.08.2022).
49. Minchenko E., Petrov K. *Politburo 2.0: Renovation Instead of Dismantling*. Moscow, Minchenko Consulting, 2017. Available at: https://minchenko.ru/netcat_files/user-files/2/Dokumenty/Politburo_2.0_October_2017_ENG.pdf (accessed 11.08.2022).
50. Monday C. Privatization to putinization: The genesis of Russia's hobbled oligarchy. *Communist and Post-Communist Studies*, 2017, no. 4, pp. 303–317.
51. Mosca G. *The Ruling Class*. New York, McGraw-Hill, 1939. 514 p.
52. O'Grady T. Careerists versus coal-miners, Welfare reforms and the substantive representation of social groups in the British Labour party. *Comparative Political Studies*, 2019, vol. 52 (4), pp. 544–578.
53. Petrov K., Gel'man V. Do elites matter in Russian foreign policy? The gap between self-perception and influence. *Post-Soviet Affairs*, 2019, no. 5–6, pp. 450–460.
54. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, Princeton University Press, 1993.
55. Rigby T.H. New Top Elites for Old in Russian Politics. *British Journal of Political Science*, 1999, no. 2, pp. 323–343.
56. Rivera Sh.W. Elites in Post-Communist Russia: A Changing of the Guard? *Europe-Asia Studies*, 2000, no. 3, pp. 413–432.
57. Rutland P. The Political Elite in Post-Soviet Russia. *The Palgrave Handbook of Political Elites*. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 273–294.
58. Schulmann E., Galeotti M. *A tale of two councils, the changing roles of the security and state councils during the transformation period of modern Russian politics*. *Post-Soviet Affairs*, 2021, vol. 37 (5), pp. 453–469.
59. Sergeev V. *The Wild East, Crime and Lawlessness in Post-Communist Russia*. Armonk, M.E. Sharpe, 1998. 191 p.
60. Snegovaya M., Petrov K. Long Soviet Shadows: The Nomenklatura Ties of Putin Elites. *Post-Soviet Affairs*, 2022, vol. 38 (4), pp. 329–348. DOI: 10.1080/1060586X.2022.2062657.

61. Steen A. *Political Elites in the New Russia*. London, New York, RoutledgeCurzon, 2003. 224 p.
62. Stoner K. *Russia Resurrected: Its Power and Purpose in a New Global Order*. New York, Oxford University Press, 2021. 345 p.
63. Szelenyi I., Szelényi S. Circulation or reproduction of elites during the postcommunist transformation of Eastern Europe. *Theory and Society*, 1995, no. 5, pp. 615–638.
64. The Making of a Neo-KGB State: Russia under Putin. *The Economist*, 2007, August 25 (N 8543), pp. 25–28.
65. Treisman D. Putin's Siloviki. *Orbis*, 2007, no. 1, pp. 141–153.
66. Voslensky M. *Nomenklatura: Anatomy of the Soviet Ruling Class*. London, The Bodley Head Ltd, 1984.
67. Yu S., Jong-A-Pin R. Political Leader Survival: Does Competence Matter? *CEISifo Working Paper Series*, 2013, vol. 4465.
68. Zimmerman W. *The Russian People and Foreign Policy: Mass and Elite Perspectives, 1993–2000*. Princeton, Princeton University Press, 2002. 250 p.

The article was received on 27.03.2022.

The article was reviewed on 14.04.2022.